

Е.В. Ширяева

Кандидат философских наук, руководитель Ивановской региональной общественной приемной Председателя Партии «Единая Россия» Д.А. Медведева в Ивановской области

Идеи бессмертия и долголетия в трудах Карела Чапека и Бернарда Шоу

В начале XX века идеей бессмертия и долголетия вдохновлялись известные писатели, причем отнюдь не только фантасты. Она давала повод и возможность ставить философские проблемы самого разного характера, размышлять о будущем человечества. В статье рассматривается, какое отражение идеи бессмертия и долголетия нашли в трудах Карела Чапека и Бернарда Шоу.

Ключевые слова: бессмертие, долголетие, XX век, писатели, культура.

Бернард Шоу, один из наиболее авторитетных деятелей культуры начала XX века, создал философскую драму «Назад к Мафусаилу» чтобы вместе со зрителями и читателями обдумать возможные последствия продвижения человечества по пути к вечной жизни, но также и для того, чтобы заставить задуматься о сущности родового человека. Пьеса вышла в 1921 году, а в 1922 году другой известный драматург, Карел Чапек выпустил в свет пьесу, которая казалась полемическим ответом английскому писателю – «Средство Макропулоса». Тем не менее, сам Чапек впоследствии отрицал влияние Шоу на свою пьесу, подчеркивал, что замысел ее родился до выхода в свет философской драмы Шоу [1; с. 599]. Это обстоятельство еще раз показывает, что тема человеческого долголетия и бессмертия неустранимо присутствовала в общественном сознании, «вита в воздухе».

«Назад к Мафусаилу» – сложное, богатое темами и смыслами произведение выдающегося мастера драматургии. В начале своей драмы Б. Шоу устами ветхозаветного змея-искусителя высказывает мысль, которая в полной мере соответствует пафосу

философии общего дела Н. Ф. Федорова. Шоу говорит: «воображение и есть начало созидания. Ты воображаешь себе то, чего хочешь; ты хочешь того, что вообразила, и, в конце концов, творишь то, чего хочешь»[2; с. 18]. Складывается впечатление, что Шоу написал эти слова под влиянием федоровских идей. Однако, по всей видимости, такое сходство объясняется духом эпохи – духом оптимизма и сциентизма, позволявшим надеяться, что стоит человеку пожелать, и для него возможны любые чудеса. Писатель предлагает оригинальную версию того, каким именно путем люди могут достичь срока жизни в 300 лет. По словам одного из персонажей, люди «будут жить триста лет, и не потому, что им так хочется, а потому, что в глубине души они будут убеждены в необходимости этого для спасения человечества»[2; с. 36].

Таким образом, в отличие от пьесы К. Чапека, личное вечное существование человека трактуется у Шоу как результат концентрации воли, пусть даже и бессознательной. Несколько персонажей пьесы, случайно слышавших этот диалог,

обретают бессмертие, поначалу сами о том не подозревая. Дальнейшее действие пьесы разворачивается в мире, где соседствуют в своем существовании как долгожители, получившие способность жить 300 лет, так и обычные люди. Писатель показывает изменения сознания и мировоззрения «древних» под влиянием их нового качества.

Как и у Чапека, персонажи Шоу высказывают свои возражения против идеи человеческого долголетия. Самое первое среди них – о том, что гипотетический эликсир бессмертия станет причиной вражды и приведет к взаимному истреблению «потому что охотиться за эликсиром станет каждый. Ради него мужчины будут топтать на улицах женщин и детей. Нет, в таких количествах его не произвести. Состав придется держать в секрете, иначе дойдет до смертоубийства».

Б. Шоу ставит, и даже еще более остро, чем это делает К. Чапек, проблему элитарности. Шоу иронизирует по поводу известной национальной черты британцев – самодовольной уверенности в избранности собственной нации, в ее особом значении для мировой цивилизации. При таком подходе бессмертие – удел лишь избранных, в том числе – по национальному признаку. Устами одного из персонажей Шоу утверждает: «Медленнее всего созревают высшие существа, и они же наиболее беспомощны в период незрелости». Там же содержатся рассуждения о преимуществах «белой расы», о необходимости ввести лимит на срок жизни, на браки долгожителей. Этим Шоу показывает, что националистические и расистские настроения с необходимостью ведут к антигуманным последствиям, в том числе – в трактовке человеческого долголетия.

Б. Шоу предвидит разнообразные опасности обретения людьми долголетия. В частности, опасность того, что обретя вместе с долголетием невиданную ранее смелость и свободу поступков, долгожители станут неудобными для обычных людей и те их начнут попросту истреблять. Другой персонаж «Назад к Мафусаилу» по имени Зу, высказывает еще более мрачные предположения по поводу судьбы человеческого рода. Она опасается, что люди, вне зависимости от того, сколь долгий

срок жизни им отпущен, бесконечно будут ходить в своей истории по кругу: изобретать оружие массового истребления, уничтожать цивилизацию и вновь впадать в состояние дикости. Здесь невольно приходит на память мысль Н. Ф. Федорова о том, что сам страх смерти делает человека агрессивным. При этом сроки жизни, даже очень большие по современным человеческим меркам, не имеют принципиального значения. Примерно в те же годы, что и Шоу, В. И. Бехтерев, критикуя теорию ортобиоза Мечникова писал: «ортобиоз, или жизнь по правилам гигиены, составляет не цель, а лишь одно из средств для осуществления лучших моральных идеалов, ибо она дает возможность непрерывного умственного и морального самоусовершенствования, для которого телесное благосостояние является лишь одним из благоприятных условий, ничуть не более. Но помимо всего сказанного человек, доживающий до естественного конца по правилам ортобиоза, разве тем самым неизбежно освобождается от страха смерти, разве его сознание неизвестности за порогом жизни просветляется от долготы дней?».

Показательно, что ни у Чапека, ни у Шоу речь не идет о собственно бессмертии и, уж тем более, о воскрешении мертвых. Они рассматривают лишь гипотетическую возможность продления жизни. Причем срок выбирается один и тот же – 300 лет. В то же время, в обеих пьесах попутно рассматриваются способы увеличить и этот непомерный с точки зрения дня сегодняшнего срок. Поэтому можно утверждать, что речь в обеих пьесах идет именно о проблеме бессмертия – практического бессмертия, если воспользоваться термином И. В. Вишева. Постановка проблемы в подобном ключе оставляет этих авторов в русле позитивизма и философского реализма.

Если жанр пьес и можно обозначить как научную фантастику, то в большей мере это все-таки способ философствования, философской прогностики, осуществленной художественными средствами. Собственный, авторский и личностный ответ К. Чапека на вопрос о смысле и ценностном статусе физического бессмертия достаточно ясен. Персонажи пьесы «Средство Макропулоса»

поочередно отказываются от предлагаемого им дара – рецепта трехсотлетней жизни и молодости. Одна из присутствующих, молодая девушка, только что пережившая смерть возлюбленного, принимает рецепт, но лишь для того, чтобы бросить его в огонь. А сама героиня, приблизившаяся к трехсотлетнему рубежу, со смехом встречает этот акт уничтожения и восклицает с облегчением: «Конец бессмертию!».

В философской драме-притче Б. Шоу проблема решается не столь однозначно. Позицию автора понять не так просто, возможно, потому, что она была не до конца ясна и самому драматургу. Судя по тексту пьесы, Б. Шоу, известный своим скептицизмом и едкой иронией, не высокого мнения о человеческом роде. Отчасти он возлагает надежды на достижения науки и техники, но как гуманист, не может не видеть таящихся за ними опасностей для самой сущности человека. Шоу не случайно начинает свою пьесу с библейского сюжета об искушении Евы Змеем. Ветхозаветную тематику и символику британский драматург использует, чтобы придать сюжету универсальный, подлинно философский смысл. Шоу пытается посмотреть на человеческий род словно бы извне, с позиций некоего высшего разума. Критику человеческих грехов и заблуждений он дает и от лица тех, кто уже обрел долговечное существование («древних»), и от лица библейской праматери человечества Лилит. Ее заключительный монолог говорит о многом [2; с.76-77]. Из него ясно видны сомнения и надежды не только британского автора, но и других наиболее вдумчивых мыслителей и художников. Их видение родового человека как существа

двойственного, открытого и добру и злу, и мудрости и безумию, порождает столь же амбивалентное представление о перспективе бессмертия.

Необходимо отметить, что как бы мы ни трактовали идеал бессмертия, какие бы формы ни принимал в культуре, он может быть конструктивным для личности и общества только если в качестве основной, первичной в нем выступает нравственная составляющая. В этом контексте следует расценивать все попытки воплощения этого идеала в жизнь. Если человечество, или какая-то часть его, вооружается идеалом бессмертия как ориентиром в своей практической деятельности, человечество как сложная самоорганизующаяся система приближается к точке бифуркации: оно сможет перейти на новый уровень своей эволюции, но может и утратить свою системную целостность.

Идея человеческого бессмертия выполняет в культуре ряд функций, в совокупности составляющих ее уникальное значение для исторического развития человечества. Это функции компенсаторная, дисциплинарная, мобилизующая, консолидирующая, прогностическая, проективная, смыслообразующая. Последняя функция выступает в качестве интегральной.

Библиографический список:

1. Чапек К. Средство Макропулоса./Собрание сочинений в 7-ми томах. Т.4. М.: Художественная литература. 1976. 608 с.
2. Шоу Б. Назад к Мафусаилу.

©Ширяева Е.В., 2016